

Сказочная быль

✍ Андрей Салов

История, о которой пойдёт речь, случилась весной. Я остался один, получив желанную свободу, лишённый опеки со стороны родителей. Они уехали в отпуск, отдохнуть от шума и суеты большого города. А чтобы я не скучал, мне на попечение был оставлен царственный красавец, носящий громкое имя – Цезарь. Цезарь был красивым, толстым и ленивым рыжим котом. Любимым его занятием было целеустремлённое глядение в окно, которому он предавался день ото дня, удобно развалившись на подоконнике.

В тот злополучный для него день он не изменил своей привычке и, позавтракав свежей рыбкой, с довольным и благодушным видом взгромоздился на излюбленное место, где с чувством превосходства над окружающими принялся взирать на мир с высоты третьего этажа. Но не суждено ему было в этот день насладиться красотами, открывающимися взору. Причиной катаклизма стала я. Мне захотелось отдохнуть на лоне природы, а оставлять дома Цезаря не хотелось. Не оттого, что он мог нашкодить, оставшись без присмотра, вовсе нет. Кот обладал мягким нравом и не способен был набедокурить, но его ежедневное сосредоточенное разглядывание мира через окно меня попросту убивало.

Я оказался в поезде, несущемся к бабкиной деревне. За пазухой недовольно ворочался Цезарь, стреляя по сторонам карими бусинками глаз. Все было ново, удивительно для него, а сколько ещё предстояло

Цезарь (из книги «Нафаня»)



Андрей Салов

Справка «ММ»

Андрей Салов родился 29 мая 1969 года в Магнитогорске. После окончания школы получил профессию фельдшера, затем учился в МаГУ на факультете русского языка и литературы. С 1988 по 1990 год служил в пограничных войсках КГБ СССР на китайской границе. Ветеран боевых действий: в 2002–2003 годах в должности разведчика-пулеметчика принимал участие в проведении контртеррористической операции на Северном Кавказе.

Начал писать в армии, посвящая этому всё своё свободное время. Стал публиковаться в «Магнитогорском рабочем» и «Магнитогорском металле» с 1990 года. В 1991 году в составе магнитогорской делегации принимал участие в работе Всемирного съезда писателей-фантастов в Волгограде. В 1999 году был принят в Союз писателей России. Автор десяти книг. Поэт Александр Павлов писал о Салове: «Что главное для писателя? Не стоять на месте, быть всегда в пути. И в творческом багаже Андрея Салова появляются новые рассказы, повести, роман. За полумистической канвой его рассказов просматриваются реальные люди и события нашего времени, художественные же приёмы, найденные автором, делают повествование динамичным, а чтение – увлекательным».

пережить! Будет о чём вспомнить, возвратясь на любимый подоконник...

У бабульки была кошка с не менее аристократичными, чем у Цезаря, повадками и с не менее звучным именем – Матильда. «Аристократы» быстро нашли общий язык, и после обоюдного обнюхивания дело становления дружбы пошло на лад. Вскоре они бок о бок прошептались мимо меня, читающего в кресле книгу.

По принятому в кошачьем кругу обычаю, радушная хозяйка, Матильда, показывала высокому гостю свои владения. Обход начался с коридора и закончился в святой святых любого кошачьего владения – на кухне. И на всём протяжении пути её сопровождало одобрительное цезарево помякиванье. Вскоре они снова прошли мимо меня, направляясь в кладов-

ку. Пришло время похвастаться охотничьими угодьями.

В кладовке водились мыши. И не только. Но Цезарь был городским котом, он родился, рос и взрослел в современной квартире и о внешнем облике мышей имел весьма смутное представление, целиком почерпнутое из обрывков разговоров уличных котов, случайно подслушанных с командных высот, на которых день ото дня пребывал он. Цезарь не знал, что такое мышь, но он был котом и джентльменом, что в совокупности и привело к эксцессу.

Великолепная парочка скрылась в кладовке, а спустя минуту оттуда раздался яростный вопль Цезаря, сопровождаемый недоуменным мявканьем Матильды и чьим-то пронзительным визгом. Мне захотелось узнать, что там происходит, что заставило умницу Цезаря

издавать вопли, которых от него отродясь никто не слышал.

Приоткрыв дверь в кладовку, я обнаружил Цезаря, сражающегося с каким-то пушистым серым существом, гораздо меньшим по размерам, но не уступающем ему в отваге и напоре.

Когда глаза привыкли к темноте, я смог разглядеть участников схватки. Каково было мое удивление, когда в противнике Цезаря я узнал Нафаню. Сцена, представшая моим глазам, была настолько комичной, что я не мог удержаться от смеха.

Вдоволь насмеявшись, я поспешил на помощь Нафане, чей натиск все более слабел. Исход схватки был предрешён, и он был явно не в пользу маленького драчливого домашнего.

Возмущённо взыв, кот оказался подвешенным в воздухе вверх

ногами с хвостом, зажатым в моей руке. Завопив от боли и унижения в момент вознесения ввысь, Цезарь ослабил хватку, и его обессилевший противник получил возможность бежать, которой незамедлительно и воспользовался.

Нафаня скрылся в одной из ближайших щелей. Немного помедлив, он выглянул из неё, состроив ужасную гримасу, грозя позорно зависшему в воздухе противнику маленьким мохнатым кулачком.

Новая сцена была не менее комичной, чем предыдущая, и я вновь затрясся в приступе хохота, продолжая сжимать в руке кошачий хвост.

Приступ смеха был прерван грозным шипением. Я успел заметить только две пушистые лапы Цезаря, озверевшего от позора подвешенного положения, полоснувшие меня по лицу. Стало не до смеха. Отпустив кота, я двумя руками схватился за невинно пострадавшую физиономию, в то время как Цезарь, получив свободу, стремглав выскочил из кладовки.

Цезарь пропал. К бабке он так и не вернулся, и я подозревал, что здесь не обошлось без колдовства Нафани. Кота я больше не видел, а вот слышать о нём доводилось не раз. Сельчане в своих разговорах неоднократно упоминали невесть откуда объявившегося в их краях красавца кота, что стал сущим бедствием для людей, держащих домашнюю птицу, к которой рыжий бандит питал явную слабость.

Под влиянием впечатлений, в суете большого города, история с котом забылась, исчезла из памяти, как исчезли с моего лица багровые отметины царапин, оставленные его когтями.

Жизнь шла своим чередом!

Лирической строкой

✍ Владимир Бартков

«Жизнь – это вид разлуки...»

Новая притча

Больше запретов нет!
Матрица не расплавится...
Яблоня отцвела,
соком налился плод.
Ева сидит в Сети,
пальцы скользят по клавишам,
Святий из песен плот
вовсе не так уж плох!

Рядом нагой Адам
чай заварил с ромашкою,
Держит в руке смартфон,
пилит видос в youtube,
Спит за окном Эдем,
ветви торчат размашисто,
Птицы наперебой
оды весне поют.

Древо великих тайн,
словно гигант из прошлого,
Мамонт ещё живой,
эха последний звук.
Так и стоит колосс
всеми забытый, брошенный...
Змея на этот раз перехитрил
паук.

В аквариуме

Ко дну и обратно –
так мелок родной водоём,
Аквариум полон еды,
кислорода и света...
Дальнее море безбрежно
кольшется где-то,
Жаль мы – не акулы,
хотя за акул выдаём

Себя, полагая, что хищникам

легче, чем нам:
Обычная трусость,
с обычным невежеством вкупе...
Как древняя память,
вода океана темна,
Но лучше – в пучину,
чем вечность в подсвеченном кубе!

И мы умоляем хозяина:
«Дайте простор,
Нам тяжкий
и затхлый удел заточения выпал...»
Хозяин не слышит:
он свято уверовал в то,
Что рыбы – безмолвны,
а значит, без права на выбор.

Он думает:
«Сытно, к тому же светло
и тепло,
Добавлю – для вида –
фарфоровых замков руины...»
А мы задыхаемся,
тонем в квадрате рутины,
И все обречённой, как смерть,
ненавидим стекло!

Если жизнь – это вид разлуки,
Значит, я хорошо живу!..
Ю. Поляков

Электричка с истошным воем
Мчит, свет впереди неся...
На платформе стояли двое,
Юных двое: не ты, не я –
Наши призраки, наши тени:
Обнялись... не разжать никак:
Так отчаянно не хотели
К расставаниям привыкать...

Ведь иначе – мы знали точно –
Изменяет привычка нас:
Станем прошлое только точкой
В многоточии вспоминать.
Расставаясь всегда, со всеми,
Ни о ком не грустя всерьёз,
Будем тщетно искать спасенье
От тоски в мандраже колёс...
Потому, убежав от скуки,
Возвращаюсь, хоть стар и сед:
«Если жизнь – это вид разлуки,
Значит, я и не жил совсем!»

Размышления о времени
М. Д.

Ностальгия не вечна,
прошедшее – только этап,
Значит, скоро пройдёт
эта жуткая тяжесть под рёбрами...
Что-то вовсе не сложится,
Что-то сложится, но не так,
Станут цели ясней,
будут планы смелей и подробнее.
Но, однажды,
почти беспричинно грустя,
Ты пойдёшь по дороге
среди незнакомых прохожих.
И тебе померещатся –
в каждом прохожем – друзья,
И чужих не останется,
И родных не останется – тоже:
Всё смешается
в тяжкий, немислимый бред,
Где картинки из прошлого
кажутся кашцей в блендере,
Иступлённо дрожа,
воспалённая, хрупкая, бледная
Ты решишь позвонить...
Позвонишь и услышишь в ответ:
«Вы пока ещё молоды –

Справка «ММ»

Владимир Бартков – автор молодой, но успевший издать уже две книги стихов «На свете нет чужих костров» (2010) и «Календарь» (2013).

Родился 12 мая 1988 года в селе Павловка Брединского района Челябинской области. После окончания школы переехал в Магнитогорск. В 2007 году стал победителем областного молодёжного литературного конкурса «Пора любви и грусти нежной», а в 2008-м – лауреатом конкурса «Проба пера», проводимого газетой «Магнитогорский металл».

Вот что пишет о стихах Барткова кандидат филологических наук, член Союза российских писателей Татьяна Таянова: «Поэзия мира-дома, поэзия родства, где кожей чуемая связь с другими распространяется даже на ещё не живших. Поэзия, в которой нет окончательного одиночества и окончательных утрат. Поэзия, дающая ответ на вопрос «Зачем живу?», ответ, звучащий без пафоса и сомнения, – «Чтобы любить!» Такая поэзия – очень редкая и потому необходимая».

к юности доступа нет,
Пожалуйста, позвоните в старости.
Надеемся на ваше понимание...»

Повзрослела, окрепла,
теперь уже точно не та,
Что была в девятнадцать:
другая и поступь и сила...
Зазвонил телефон,
отвечаешь растерянно:
– Да?
– Ты звонила?

О зайцах

Остановите Землю – я сойду...
Из мюзикла

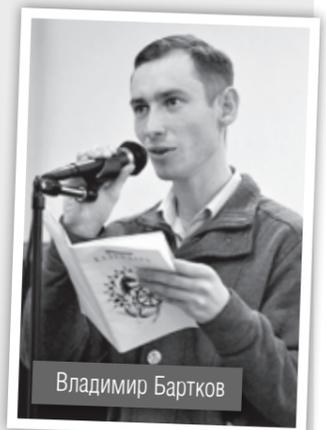
Много живущих зайцами,
Да под чужую дудку:

Кризис цивилизации!
И ни при чём Кондуктор!

Грабят ворюшки ушлые
Честных – легко, распушенно...
Легче надеть наушники,
Чем помочь попутчикам.
Слыша мольбу о помощи,
Легче глумим казаться,
Крепче схватиться за поручни...
Зайцы, повсюду зайцы!

Зайцы в тюрьме, на радио,
В школе, в кино, в милиции;
Любят читать, развратничать,
Спорить, грешить, молиться.

Мчит Земля, подрагивая,
Словно трамвай – по графику.
Там, на конечной станции
Всем по ушам достанется!



Владимир Бартков